

RU

Ценностно-смысловой кризис цифровой эпохи: границы современных философских парадигм

Зубков Н. А., Крюков А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить теоретическую недостаточность доминирующих философских направлений (редукционизм, скептицизм, нью-эйдж, традиционализм) для осмысления специфики ценностно-смыслового кризиса, порожденного цифровой трансформацией общества. В работе обосновывается, что современные технологии выступают не просто фактором, но конституирующей средой кризиса. Анализируются проявления утраты ценностно-смысловых оснований в ключевых сферах: в экономической сфере данный процесс описывается через концепт «технофеодализм», а в политической – через становление «инфократии», где ключевую роль играют алгоритмы Big Data и ИИ. Новизна заключается в интерпретации кризиса как результата неспособности традиционных философских парадигм, сформированных до цифровой эры, сохранять функцию смыслообразования. В результате исследования обоснован тезис о необходимости выработки нового философского дискурса, способного адекватно описать вызовы цифровой эпохи, а кроме того, определено, что современные технологии: Big Data, нейронные сети, искусственный интеллект – становятся не просто «фоном» кризиса. Они являются его прямым источником. Именно поэтому необходим совершенно иной дискурс для описания и анализа кризиса ценностно-смысловых оснований и его преодоления.

EN

The value-semantic crisis of the digital era: boundaries of contemporary philosophical paradigms

N. A. Zubkov, A. V. Kryukov

Abstract. The research aims to identify the theoretical inadequacy of dominant philosophical movements (reductionism, skepticism, New Age, and traditionalism) in conceptualizing the specific nature of the value-semantic crisis generated by the digital transformation of society. The study substantiates that modern technologies function not merely as a factor, but as a constitutive environment of the crisis. The manifestations of the erosion of value-semantic foundations in key spheres are analyzed. In the economic sphere, this process is described through the concept of “techno-feudalism”, while in the political sphere, it is viewed through the rise of “infocracy”, where Big Data and artificial intelligence algorithms play a pivotal role. The novelty lies in the interpretation of the crisis as a result of the inability of traditional philosophical paradigms, formed prior to the digital age, to maintain their meaning-making function. The study substantiates the thesis regarding the necessity of developing a new philosophical discourse capable of adequately describing the challenges of the digital era. Furthermore, it determines that modern technologies – Big Data, neural networks, and artificial intelligence – do not merely serve as a “background” for the crisis but act as its direct source. Consequently, an entirely different discourse is required for describing and analyzing the crisis of value-semantic foundations and for its eventual resolution.

Введение

Актуальность исследования обосновывается следующим: во-первых, распространение нигилизма и экзистенциальной дезориентации затрагивает все сферы жизнедеятельности человека: социальную, экономическую, политическую и духовную. И это приводит к единому ценностно-смысловому кризису человека в эпоху постмодерна. Во-вторых, изменяется и форма манипуляции людьми. Взаимодействие с цифровыми устройствами генерирует данные о пользователе, которые передаются в дата-центры (центры обработки данных – ЦОД). Используя технологии Big Data, алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) и нейросети, заинтересованные стороны получают принципиально новые способы манипуляции, например, таргетная реклама, причём

знание о последней никак не поможет человеку защититься от такого рода манипуляции, т. к. сбор информации о пользователе ведётся постоянно. Наконец, деформация нравственно-смысловых установок приводит к феномену мозаичного мировоззрения, части которого не имеют иерархии, структуры и единых смысловых связей. Что, в свою очередь, предвосхищает дезорганизацию идентичности и, как следствие, деформацию смыслового содержания категории субъект. Современная эпоха постмодерна начинается – с точки зрения Ф. Джеймисона (2019, с. 83) – «разрывом» («разрезом»), произошедшим в 1950-1960-е гг., когда ярко проявляет себя резкий отход от ценностей, идеалов и смыслов эпохи модерна. Вместе с этим мы наблюдаем беспрецедентный технологический прогресс, информатизацию всех сфер общественной жизни, развитие мировой экономики и постепенный рост качества жизни. Однако современность переживает непрекращающийся кризис базовых смысловых установок, утрату морально-нравственных ориентиров, распад единой картины мира как у индивида, так и целых социальных групп. Это выражается в сущностном кризисе четырёх сфер жизнедеятельности человека: экономика («технофеодализм», общество потребления), политика (неолиберальная модель), социальная сфера (распад идентичности), идеальная сфера (популизм, нью-эйдж). Этот процесс следует рассматривать не как внезапный катаклизм, возникший в результате социальных движений, а как «ничем не обусловленную данность, из которой необходимо исходить» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 24).

Достижение цели предполагает решение ряда задач:

1. Реконструировать генезис кризиса ценностно-смысловых оснований, выявив предпосылки его перехода в фазу, детерминированную цифровыми технологиями.
2. Проанализировать и систематизировать ключевые проявления указанного кризиса в экономической, политической, социальной и духовной сферах, показав конституирующую роль цифровой среды.
3. Провести критический анализ границ современных философских парадигм (редукционизм, скептицизм, нью-эйдж, традиционализм) и обосновать необходимость смены философского дискурса для адекватного описания реальности цифровой эпохи.

Методы исследования:

1) историко-философский анализ позволит реконструировать генезис и логику развития кризиса ценностно-смысловых оснований от эпохи модерна к постмодерну. В статье кратко описываются основные научно-философские концепты, представленные в работах Н. Коперника (1964), Г. Галилея (1948), Р. Декарта (1989), Ч. Дарвина (2025), Ф. Ницше (2001), Ф. Энгельса (1975), З. Фрейда (1913), Ж.-Ф. Лиотара (1998);

2) социально-философский анализ, с помощью которого исследуются конкретные проявления кризиса в современных экономической, политической, социальной и духовной сферах, а также оценивается конституирующая роль цифровых технологий. Такой анализ стал возможен благодаря работам Х. Ортеги-и-Гассета (2003), Ж. Бодрийяра (2015), в т. ч. в соавторстве с Э. Сиораном (Бодрийяр, Сиоран, 2-23), Б.-Ч. Хана (2024; 2025), М. Кёнига (2023), Э. Габриэля (2025);

3) метод философской компаративистики, дающий возможность провести сравнительный анализ и оценить ограниченность основных современных философских направлений в осмыслении ценностно-смыслового кризиса, а также наметить контуры нового философского дискурса. С. Шавиро (2018) выделяет три таких направления, а мы добавим к этому списку ещё одно. Кроме того, в статье используется концепт «гиперхаоса» К. Мейясу (2015), который позволяет целостно осмыслить кризис ценностно-смысловых оснований.

Теоретической основой исследования становятся работы, в которых критически осмысливается состояние современного общества культуры постмодерна: Х. Ортеги-и-Гассета (2003), Ж. Бодрийяра и Э. Сиорана (2023). В данных трудах производится анализ таких категорий, как «массовое общество» и «масса». Работа М. С. Кагана (1997) даёт нам теоретические основания категории «ценности». К. Мейясу (2015) вводит концепт «гиперхаоса», который используется в нашей работе для описания современного состояния сфер общественной жизни. В работах Б.-Ч. Хана (2025), М. Габриэля (2025), Г. Кёнига (2023) делается упор на изучение взаимосвязи современных технологий (искусственный интеллект) и социально-культурных трансформаций. Вводятся такие понятия, как «новый моральный реализм», «распределённая ответственность». Основываясь на работах И. В. Лысака (2017), раскрыт концепт идентичности, а работа О. А. Ефремова (2016) обосновывает становление и развитие «игровой идентичности» в обществах ультралиберализма.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты – обоснование ограниченности редукционизма, скептицизма, нью-эйджа и традиционализма для осмысления ценностно-смыслового кризиса цифровой эпохи, а также интерпретация цифровых технологий (Big Data, ИИ) как конституирующей среды этого кризиса – могут быть использованы для теоретического анализа трансформации социальных институтов в условиях цифровизации и разработки этических и нормативных основ регулирования искусственного интеллекта и информационной политики.

Обсуждение и результаты

Генезис кризиса ценностно-смысловых оснований от Модерна до Постмодерна

В контексте работы в первую очередь необходимо обратиться к понятийному аппарату исследования. Поэтому для начала мы рассмотрим ключевые дефиниции и их взаимосвязь.

Категорию «смысл» мы будем понимать, как «внеположенную сущность феномена, оправдывающую его существование, связывая его с более широким пластом реальности» (Новая философская энциклопедия, 2010, с. 576). Категория «смысл» является родовой относителем дефиниции «ценность» (которая выступает

как видовая категория). Иными словами, смысл сам по себе не устанавливает степень ценности, но любая ценность будет иметь конкретный смысл. В таком случае ценность мы будем понимать в трактовке М. С. Кагана (1997 с. 67), т. е. как диспозицию субъект-объектных отношений. Объект сам по себе ценностно-нейтрален, и он приобретает значимость лишь в контексте субъективного отношения. Таким образом, ценностному отношению требуется волевая, осознанная направленность субъекта на объект. Ценность – это не то, что находится за границами субъекта и объекта, а то, что описывает отношение субъекта к объекту. Обратим внимание – смысл, это «механизм» взаимосвязи объекта с системой иных объектов в субъективном миропонимании. Установление смысла – установление взаимосвязи как таковой. Ценность конкретизирует позиционные отношения субъекта и объекта на основе значимости последнего.

Понятие «ценностно-смысловые основания» фиксирует единство двух аспектов человеческого отношения к миру. С одной стороны, оно отсылает к гносеологической составляющей – способности субъекта выстраивать непротиворечивую картину реальности, устанавливая связи между явлениями (смыслообразование). С другой стороны, оно включает аксиологическую составляющую – способность субъекта определять значимость явлений и явлений для себя, выстраивать иерархию приоритетов (ценностное отношение). Кризис ценностно-смысловых оснований означает, таким образом, одновременное нарушение обеих способностей: мир перестаёт быть связным и познаваемым (гносеологический сбой) и перестаёт быть значимым (аксиологический сбой).

Возникает соответствующий вопрос: а что вообще позволяет механизму смысла эффективно работать? Что именно определяет ту или иную позицию, т. е. ценность? К сожалению, подробный ответ на данные вопросы выходит за границы этой работы. Здесь мы тезисами обозначим авторскую позицию относительно сути вышеуказанных вопросов. Основания смысла могут быть поняты и описаны в рамках различных философских подходов: натурализм (исходит из объективных законов мироздания); прагматизм (основным критерием выступает целеполагающая деятельность индивида); трансцендентные основания (связь выходит за рамки непосредственного опыта); социально-культурный подход (смыслы и ценности анализируются через призму социальной общности, истории, культуры). Однако вне зависимости от подхода нас будет интересовать именно «кризисное» состояние оснований смысла и ценностей в эпоху постмодерна.

К. Мейясу (2015) использовал термин «гипер-Хаос» («гиперхаос») как абсолют, в котором возможно любое состояние бытия. К. Мейясу сравнивает это состояние с «картезианским Богом» с тем отличием, что гиперхаос представляет собой: «Всемоущество ненормированное, слепое, лишённое других божественных совершенств и ставшее автономным. Могущество, в котором нет ни доброты, ни мудрости, неспособно гарантировать мышлению истинность его ясных идей» (2015, с. 92). Именно этот концепт, кажется, содержит в себе удачную интуицию для понимания кризисного состояния смысла и ценностей в эпоху постмодерна. Оно, метафорично, может напоминать броуновское движение, когда в качестве основания может выступать какая угодно часть бытия в силу чистой возможности, а не логической или детерминированной обусловленности. К примерам мы перейдём во втором разделе, а пока следует разобрать исторические предпосылки данного состояния.

Ключевым аспектом является то, что кризис ценностно-смысловых оснований представляет собой имманентный результат развития западноевропейской философии, истоки которого лежат в западноевропейском антропоцентризме эпохи Ренессанса. Постепенное смещение фокуса от «абсолютных» смыслов и ценностей – продиктованных Богом или Космосом – в пользу «человеческих» дало старт размыванию оснований.

Вехой в развитии кризиса ценностно-смысловых оснований стали работы Н. Коперника (1964) и Г. Галилея (1948). В них постепенно опровергают умозрительную физику Аристотеля и его космологическую модель при помощи строгих экспериментальных методов. Геоцентрическая модель мира уступает место гелиоцентрической, и вместе с этим человек лишается своего центрального положения во Вселенной. Своеобразной реакцией на данный процесс стала формула Р. Декарта (1989) “*cogito ergo sum*” («мыслю, следовательно, существую»), в которой заложен разрыв бытия и мышления. Мышление становится приоритетным, бытие переходит в положение подопытного, истину которого можно постичь с помощью разума (дедуктивной логикой). Человек сохраняет своё центральное положение если не в онтологии мира, то хотя бы в вопросах познания.

В 1859 г. Ч. Дарвин (2025) публикует свой труд «Происхождение видов», закладывая основу теории эволюции и провозглашая животное начало в человеке ключевым. Вслед за «отцом эволюции» Ф. Энгельс (1975) разрабатывает собственную концепцию, в которой описан переход от обезьяны к человеку при помощи труда. Несмотря на качественные различия между трудовой теорией и эволюционизмом, они схожи в одном: человек является следствием, а не точкой отсчёта более широких процессов. В 1900 г. З. Фрейд (1913) публикует книгу «Толкование сновидений», в которой описывает идею бессознательного, тем самым ставя под сомнение абсолютную подчинённость мышления воле человека. Таким образом, развитие биологии, социологии, психологии (и иных научных дисциплин) на протяжении XIX–XX вв. успешно формирует и развивает мысль, что человек не является абсолютной и самодостаточной данностью мира. Человек – это результат и продукт сложных биологических, социально-культурных и психологических процессов. Его природа подчинена или находится в сильной зависимости относительно объективных законов мироустройства.

Своеобразной кульминацией всего проекта Модерна становится известный лозунг Ф. Ницше – «Бог умер» (2001). Это высказывание означает не только кризис религии, но и крах всей основанной на ней аксиологической системы Запада. В первой половине XX в. Бертран Расселл публикует статью «О юношеском цинизме», в которой анализирует отношение интеллигентной молодёжи своего времени к классическим фундаментальным основаниям. По мнению Б. Расселла и А. Эйнштейна (2020), причины упадка кроются в проблемах интеллектуального плана. «Идея Бога представляется молодёжи удобной гипотезой для улучшения

мира. Прогресс необходим лишь в мелочах, но действительно необходимые вещи не достигаются прогрессистскими методами. Красота перестаёт быть идеалом в эпоху искусства, которая ставит под сомнение само понятие прекрасного. Истина же сталкивается с доселе невиданной угрозой в лице идеологии» (Расселл, Эйнштейн, 2020, с. 110). Пример работ Ф. Ницше и Б. Рассела демонстрирует, что основополагающие социальные институты, которые ранее конструировали базовые смыслы и ценности, утрачивают эту функцию.

Наивысший пик этого кризиса случается после Второй мировой войны. Осмысление всех сторон и граней войны происходит постепенно в течение 1940-1950-х гг. Это привело к тому, что формируется позиция, согласно которой классические социальные институты: образование, государство, семья и т. д. – исчерпали мировоззренческую и смыслообразующую функцию. А следовательно, необходимо искать иные подходы. Именно новое течение в философии и культуре – постмодернизм – попытается заполнить образовавшийся вакуум.

В 1979 г. Ж.-Ф. Лиотар в своей работе «Состояние постмодерна» (1998) опишет постмодерн через характеристику недоверия, а затем и отказа от великих историй (метанарративов), которые легитимировали знание и социальные институты. Философы уже будут работать в новом направлении и развивать положения постмодерна. Ж. Деррида (2000), критикуя бинарные языковые оппозиции, вводит понятие деконструкции. Он утверждает, что категории языка – взятые сами по себе – не являются нейтральными и самодостаточными, а выступают как взаимозависимые и сложноструктурированные. Согласно деконструкции, смысл категорий является не однозначным, а переменчивым (Деррида, 2000). Ж. Бодрийяр (2015) анализирует массовое общество и говорит о замещении реальности симулякрами – знаками, утратившими связь с референтами и порождающими гиперреальность. Ж. Делёз и Ф. Гваттари (2007) для описания общества введут концепт «ризомы» – нецентрированной, гетерогенной и множественной структуры как новой формы европейской культуры. Западноевропейские мыслители второй половины XX в. провели масштабную работу концептуального анализа содержания понятия постмодернизма. Однако, как показывает опыт, оказалось, что отказ от жестких регламентированных, сформировавшихся в результате общественного консенсуса оснований смыслов и ценностей не только не решил проблему, но и усугубил её. Плюрализм, мультикультурализм, гибкая идентичность, глобализация культуры, постгуманизм, нью-эйдж, либерализация политики и экономики ещё в начале XXI в. казались безальтернативным путем для человечества. Настоящий кризис продемонстрировал их лимитированный потенциал, граничащий с дистрофией по созданию смыслообразующих концептов.

Анализ ключевых проявлений кризиса ценностно-смысловых оснований в современном обществе

В XX в. сформировалась теоретико-философская модель массового общества (Ортега-и-Гассет, 2003). И философы, и учёные по-разному подходили к трактовке этой концептуальной модели, однако следует отметить вклад Ж. Бодрийяра в развитие и популяризацию этой модели.

Категория и проблема масс становится для философии Ж. Бодрийяра одной из центральных. «Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 17). Именно так Ж. Бодрийяр описывает массовое общество. Он полагает, что современность вынуждает нас находить всё более изощрённые термины и подбирать «более тонкие» дефиниции, ведь традиционной практики и традиционной теории больше недостаточно. «Полярности одного и другого в массе больше нет. Именно этим определяется то, что здесь невозможен обмен смыслами: они тут же рассеиваются...» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 17). Ж. Бодрийяр так подводит один из итогов своих рассуждений о массовом обществе, вскрывая главную проблему – «крушение смысла». С точки зрения философа, проблема кроется в принципиально ином структурном уровне развития современного общества, и она более не может быть описана традиционными методами (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 14). Такие технологии, как мобильный интернет, смартфоны, социальные сети, ИИ, кардинальным образом меняют общество. И это ставит проблему недостаточности концептуализации только лишь в терминах постмодерна. В связи с этим нужно отметить идею одного из современных философов – Б.-Ч. Хана, который описывает современное общество как «общество достижений» и даёт ему крайне противоречивую характеристику: «В нём [современном обществе. – Н. З., А. К.] боль предосудительна. Всякое желание, каждая потребность моментально удовлетворяются. Люди одурманены развлечениями, потреблением и довольством» (2025, с. 59). Может показаться, что мы достигли утопии, ведь теперь абсолютно все потребности могут быть моментально удовлетворены, однако такое непрекращающееся «счастье» становится своего рода наркотиком, к восполнению которого стремится каждый. Тем самым категория «счастье» теряет всякий трансцендентный базис и превращается в материалистическое наслаждение, которое заявляет о своих тоталитарных правах. Оно переходит из разряда способа (возможности) бытия в разряд долженствования.

Ж. Бодрийяр описывает и хаос в экономической сфере: «Это и международный биржевой и финансовый крах, и ядерное столкновение, и бомба долгов стран Третьего мира, и демографическая бомба» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 106), а также «оборот денежной массы, охватывающий Землю своей круговой орбитой» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 114). Он заканчивает свою мысль следующим замечанием: «Экономика становится ареной современной жизни именно в качестве арены спецэффектов, непредсказуемых результатов иррациональной игры» – тем самым экономика переходит в разряд трансэкономики (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 115). Но в современном мире иррациональность экономической игры отличается от той, которую описывал Ж. Бодрийяр, ведь с наличием ИИ мы больше не можем отслеживать алгоритмы и экономические процессы. Именно поэтому Я. Варуфакис (2025) пишет о том, что на смену капитализму пришёл «технофеодализм», который опирается на облачный капитал – мутацию стандартного капитала. Я. Варуфакис описывает следующую схему: люди по всему миру покупают товары на всевозможных маркетплейсах и создают о себе тем самым

информацию, пользуясь различными средствами, подключёнными к Сети и использующими ИИ; в свою очередь, крупные компании и тот же самый ИИ обучаются, попутно производя ещё больше информации для потребления, которая лучше понимает наше поведение и привычки. Получается, потребитель остаётся за бортом этой схемы, ведь, пользуясь благами цивилизации, он делится информацией, взамен оставаясь ни с чем. Крупные же компании, наращивая свой облачный капитал, всё лучше начинают понимать потребителя и им управлять (Варуфакис, 2025). Внедрение ИИ грозит ещё большей утратой экономической автономии и свободы рационального выбора, т. к. если у нас будет полная информация о потребителях и алгоритм будет достаточно хорош, то попросту не нужен будет рынок. Мы перейдём на определённую форму полного квазипланирования (Кёниг, 2023, с. 187). Ставится под вопрос свобода воли, в данном случае – способность человека принимать собственные решения на свободном рынке.

Конец политического, по мнению Ж. Бодрийяра, наступает с возникновением марксизма, ведь с этого момента «начинается эра полной гегемонии социального и экономического, и политическому остаётся быть лишь зеркалом – отражением социального в областях законодательства, институциональности и исполнительной власти» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 26). Из этого Ж. Бодрийяр делает следующий вывод: социалистическая мысль стремится к уничтожению политического и полному растворению одного в социальном, пока либеральная мысль грезит ностальгией по «диалектическому равновесию» между двумя этими сферами (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 26). Это заставило два лагеря переформатировать свои кампании, но современность снова смогла создать кризисные ситуации для них. И значительную роль в этом сыграли массмедиа.

В первой половине XX в. радио, а во второй половине XX в. телевидение планомерно увеличивали раскол между политической верхушкой и общественностью, делая последнюю недееспособной. Б.-Ч. Хан ясно выразил последствия этого раскола: «Телевизионные дебаты между соперниками основаны не на аргументах, а на игре. Радикально сокращается и время, отводимое на речь кандидатов в президенты. Меняется стиль речи. Побеждает тот, кто лучше смотрится на сцене. Дискурс вырождается в шоу и рекламу. Политическое содержание играет всё меньшую роль» (Хан, 2025, с. 56). Но радио и телевидение позволяли сохранять фрагменты рационального политического дискурса. С появлением технологии интернета, а вслед за ней и социальных сетей становится всё сложнее (невозможнее) говорить о сохранении рациональности. Б.-Ч. Хан: «При информационном режиме у нас попросту нет времени на рациональное действие – ведь из-за обилия информации мы не можем на ней задержаться, наше восприятие фрагментируется, тем самым ускоряющаяся коммуникация лишает нас рациональности» (2025, с. 62). И влияние социальных сетей не ограничивается только этим, теперь предвыборные кампании переходят из разряда шоу в информационные войны, ведь с помощью социальных сетей управлять общественным мнением (или создавать его?) стало гораздо проще. Отличным примером оппортунистического алгоритма, по мнению Б.-Ч. Хана, является Д. Трамп: «Трамп – первый твиттер-президент – раздробил свою политику на твиты. Для неё определяющим выступает не визионерство, а виральность информации» (2025, с. 64). Тем самым мы приходим к ужасающим последствиям: «...истина и правдивость больше не имеют значения. Демократия теряется в непроглядных дебрях информационных джунглей» (Хан, 2025, с. 72).

Кризис социального был обозначен Ж. Бодрийяром моментом появления средств массовой информации: «...социальное, во-первых, разрушается – тем, что его производит (средствами массовой информации и информацией), а во-вторых, поглощается – тем, что оно производит (массами)» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 64). Ж. Бодрийяр лишь обозначил предстоящие трудности, а современность столкнулась с глубинным социальным сдвигом. Если во времена Ж. Бодрийяра социальная сфера управлялась группами большинства, то теперь правила меняются и меньшинства выходят на передний план. Наиболее острыми социальными вопросами в странах западной культуры становятся расизм, феминизм и вопрос гендерной принадлежности. Интерес к расизму пережил один из своих пиков в 2020 г. в США, когда акции организации “Black Lives Matters” захлестнули все государство. Но если на бумаге различные акции в поддержку меньшинств имеют прогрессистскую основу, то на деле всё это выливается в обратную дискриминацию. М. Габриэль описывает данный феномен следующим образом: «Тот, кто ведёт борьбу во имя якобы или действительно угнетаемого меньшинства против воображаемого или реального большинства, упускает из виду, что тем самым он совершает тот же тип ошибки, которая привела к угнетению меньшинства. Тот, кто борется против несправедливого угнетения, не может иметь целью несправедливо угнетать угнетателя» (2025, с. 213). Актуальным также является вопрос идентичности, который теряет ясную форму. Границы вопросов, ранее казавшиеся самопонятными, определяющими идентичность субъекта, – «Кто я?» и «Кто мы?» (Лысак, 2017) – начинают размываться. «Идентичность, таким образом, обретает игровой характер: человек произвольно выбирает себе понравившуюся роль, которую легко по своему произволу может поменять» (Ефремов, 2016, с. 56). И именно этот игровой характер идентичности наиболее ярко проявляет себя во взаимодействии субъекта с социальными сетями. В них межсубъектное взаимодействие имеет посредников – технические средства связи и программные алгоритмы, – которые позволяют ощущать гибкость идентичности и, таким образом, играть с ней. Но проблема идентичности выходит за рамки социальных сетей. Г. Кёниг так описывает состояние «прогрессистских кругов»: «Там нужно вечно доказывать, что ты не из враждебного лагеря» (2023, с. 195). Противоречивость этого феномена заключается в том, что, с одной стороны, идентичность была и остаётся краеугольным камнем в формировании социальной жизни человека, с другой же стороны – устанавливается её игровой характер.

Распад идеальной сферы Ж. Бодрийяр усматривает в первую очередь в кризисе искусства: «Исчезло искусство в смысле символического соглашения, отличающего его от чистого и простого производства эстетических ценностей, известного нам под именем культуры – бесконечного распространения знаков, рециркуляции

прошлых и современных форм. Нет больше ни основного правила, ни критерия суждения, ни наслаждения» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 94). Форма изобразительного искусства прошла через многочисленные метаморфозы, дойдя до стадии всеобщей эстетизации. «Если раньше искусство было, в сущности, лишь утопией, или, иначе говоря, чем-то ускользающим от любого воплощения, то сегодня эта утопия получила реальное воплощение: благодаря средствам массовой информации, теории информации, видео, – все стали потенциальными творцами» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 97). Бодрийяр заключает, что теперь мы окружены «трансэстетикой».

Р. Барт обнаруживает сходную ситуацию относительно литературы и констатирует её безвыходность: «Создание современного шедевра стало попросту невозможным, ибо письмо ставит писателя в безвыходно противоречивое положение; одно из двух: либо его произведение наивно нацелено на соблюдение всех условностей формы – и в этом случае литература остаётся глухой к нашей живой Истории, а литературный миф оказывается непреодоленным; либо писатель ощущает всю широту и свежесть нашего мира, но чтобы выразить их, располагает хотя и ослепительным в своём великолепии, но зато омертвевшим языком» (2025, с. 78). Тем самым Р. Барт видит будущее литературы в том, что слова писателя найдут примирение со словами всех остальных людей, то есть литературный язык растворится в обществе.

Но Ж. Бодрийяр и Р. Барт вряд ли представляли, с чем столкнется художественное творчество в лице ИИ. Алгоритмы нейронных сетей уже способны воспроизводить различные виды искусства. При большем объёме данных и должной тренировке алгоритма, как показала практика, комбинаторика машины, в конце концов, едва ли не превзошла творения человека. ИИ тем самым разрушает акт человеческого творения. «Композитор-демиург заменяется простыми музыкальными потоками, которые возникают сами собой из первичной сложности» (Кёниг, 2023, с. 175). Рост влияния ИИ в сфере искусства ставит под вопрос уникальность индивида. «Творение отныне – не самовыражение художника, а исчезновение его личности. Теперь не художник создаёт искусство – такое искусство устраняет художника» (Кёниг, 2023, с. 177). Несмотря на всю категоричность философии Э. Сиорана, его слова как нельзя точно описывают состояние современного искусства и культуры: «Поскольку способы выражения износились, искусство стало ориентироваться на нонсенс, на внутренний некоммуникабельный мир. Трепетание внятного, будь то в живописи, в музыке или в поэзии, вполне обоснованно кажется нам устаревшим или вульгарным. Публика скоро исчезнет, а за ней исчезнет и само искусство. Цивилизации, начавшейся со строительства храмов, суждено завершать своё существование в герметизме шизофрении» (Бодрийяр, Сиоран, 2023, с. 245).

Современные философские парадигмы и контуры нового философского дискурса

Гетерогенность современного состояния оснований смыслов и ценностей заключается не только в новых вызовах социального, политического, экономического и идеального, но и в веяниях философской мысли, которые – условно – можно разделить на четыре направления. С. Шавиро выделяет первые три: «Либо мы примем естественно-научный редукционизм с его требованием выводить всё из жёстких фактов квантовой физики и эволюционной биологии; либо мы “приподнимаем, отодвигаем знание, чтобы [свое] место заняла вера”, охватывающая несколько видов религиозного фундаментализма – духовность Нью-Эйджа или идеологию бизнес-менеджмента “помоги себе сам”, придающую смысл нашим в противном случае неуправляемым жизням; либо мы предполагаем, что ничто в действительности не может быть познано, что всякая претензия на знание является заблуждением и что “реальность” – это произвольная языковая конструкция» (2018, с. 178). Кроме того, следует отдельно указать на такое направление, как традиционализм.

На настоящий момент эти направления кажутся абсолютно параллельными друг другу. Якобы они нигде не пересекаются, представляя собой самодостаточные и самовоспроизводящиеся течения мысли, которые замкнуты в себе и не терпят диффузии мнений. Здесь мы лишь фиксируем это различие и не будем вдаваться в его обсуждение.

Позитивистский редукционизм представляет собой одно из главных направлений современной философии, принимая различные формы: от элиминативизма и иллюзионизма до радикального физикализма. Данное направление имеет большое число приверженцев как среди философов, так и среди ученых. Мы хотим указать на слабое место позитивистского редукционизма: все направления этой мысли держатся за надежду на прогресс науки. Уверенность в том, что позитивистские методы позволят со временем ответить на вопросы, связанные с проблемами и образования смыслов, и ценностных ориентиров, существует. Но такая позиция заставляет нас платить философским потенциалом здесь и сейчас. Кроме того, это направление сознательно отказывается от компетенций в области трансцендентного и феноменального.

Современный всплеск религиозности и «духовности» представляется иррациональной попыткой «общества достижений» закрепить свою парадигму, что выражается в следующих формах: фанатическая вера, эзотерика, увлечение восточными религиями, теориями заговора и популяризации псевдоэкспертного продукта. Все эти формы «новой духовности» имеют одну общую черту – фундаментализм. Они явно или скрыто предполагают, что вне их структуры невозможно построение адекватных ценностей и смыслов, а всё, что выходит за границы их структур, является ошибочным. И кажется, что увлечение такого рода формами «духовности» есть попытка маскировки психологических расстройств, которые стали ключевой особенностью современной эпохи. «Жалоба депрессивного индивида на то, что ничто невозможно, возможна только в обществе, которое верит, что нет ничего невозможного. Мочь-больше-не-мочь ведёт к деструктивным упрекам

самому себе и аутоагрессии. Субъект достижений находится в состоянии войны с самим собой. Депрессивный индивид – это инвалид этой внутренней войны» (Хан, 2024, с. 63).

Скептицизм, граничащий с нигилизмом, представляет собой устойчивый и настоявшийся философский концепт. Как и два предыдущих направления, скептицизм не переносит инородности. Он очерчивает своего рода границы, за которые нельзя заходить и за которыми ничего нет. Таким образом, скептицизм даже не сталкивается с новыми вызовами, для него они уже решены.

Наконец, традиционализм пытается «реставрировать» смысловые и ценностные основания, опираясь на опыт исторического прошлого. Следует отметить, что это направление демонстрирует устойчивый потенциал. Но его исторический, социальный и культурный редукционизм постоянно сталкивается с вызовами современности, на которые оно не всегда способно адекватно ответить. Техника и технологии меняют мир, но в традициях нет – и не может быть – модели или сценария, который мог бы адекватно описать и осмыслить данные изменения. Приходится или неуклюже расширять имеющиеся концептуальные рамки, или же *ad hoc* создавать объяснения.

Итак, выявляется одна из главных проблем современных концептов – дисквалификация иного. «В любом из этих трёх случаев метафизика завершена, даже если мы как бы в насмешку осуждены, как предполагал Деррида, переживать бесконечную отсрочку такого завершения и никогда не можем покончить с тем, что на самом деле уже достигло конца» (Шавиро, 2018, с. 179). Но несмотря на это, метафизика всё ещё существует, и мы продолжаем разрабатывать новые концепты, которые будут совершеннее предыдущих. Одними из самых ярких фигур современной метафизики являются К. Мейясу, Г. Харман и Р. Брассье, которые разрабатывают спекулятивный реализм, хоть и по-разному его трактуют. Однако фатальная проблема не только современной, но и всей метафизики заключается в том, что «она сводит неизвестное к уже познанному, уже определённому. Позитивистски редукционизм, скептицизм, нью-эйдж, традиционализм придерживаются точки зрения, что моё незнание является для меня самого исключительно случайным, что неведение – это только частное состояние, в котором я пребываю; они полагают, что объект, который я стремлюсь познать, сам по себе вполне определён, я могу только явиться, чтобы познать его» (Шавиро, 2018, с. 85).

Современные проблемы требуют современных решений, которые находят своё отражение у многих современных философов. Б.-Ч. Хан предлагает разбавить будничную суматоху и не бояться скуки: «Культурными достижениями человечества, к которым относится философия, мы обязаны глубокому, созерцательному вниманию. Культура предполагает окружающий мир, в котором возможно глубокое внимание. Это глубокое внимание всё больше вытесняется совершенно другой формой внимания, гипервниманием. Стремительное переключение фокуса между разными задачами, информационными источниками и процессами отличает это рассеянное внимание» (2024, с. 70). М. Габриэль формулирует «Новый моральный реализм», который основывается на трёх понятиях: моральный реализм, гуманизм и универсализм. «Новый моральный реализм исходит из того, что моральные высказывания касаются действительно существующих обстоятельств, в которых участвуют чувствующие и мыслящие живые существа. Эти действительно существующие обстоятельства никогда не бывают ни максимально субъективными, но находятся где-то между этими крайними полюсами. Где они находятся, зависит от конкретных обстоятельств ситуации нашего действия» (Габриэль, 2025, с. 159). Г. Кёниг рекомендует расширить влияние законодательной системы на ИИ: «Чтобы вернуть смысл ИИ, каждый должен был бы сформулировать собственную “первую директиву”, заранее решив, какие нормы он хочет вменить алгоритмам, которые им управляют. <...> Идеал “первой директивы”, таким образом, представляет собой триумф личного выбора над “коллективной полезностью”, индивидуальной ответственности – над биохимическим фатализмом, Милля – над Бентамом. Это право на заблуждение, которое мы впишем в самое сердце ИИ» (Кёниг, 2023, с. 311-314). Если мы приглядимся, то все эти философы по-разному подходят к решению сложившихся проблем, размышляя над изменениями в социальных, политических и духовных областях, при этом не разрабатывая никакой единой философской концепции.

Мы полагаем, что отправной точкой всей философии стал не Фалес, не Парменид и не Гераклит, а Сократ, который определил кредо философской мысли своим изречением: «Я знаю, что ничего не знаю». Сократ не ограничил философию, а, наоборот, расчистил пространство для неё. Именно поэтому метафизические конструкции и философские концепты, являющиеся казуально замкнутыми, должны быть переработаны. Ведь в них попросту нет места для философии, т. к. она будет вытеснена наукой, религией или же «игрой в бисер» в том смысле, в котором эту игру понимает Г. Гессе. Л. Витгенштейн перефразирует мысль Сократа на более современный лад: «Он [тот, кто понимает] должен, так сказать, отбросить лестницу после того, как взобрался по ней» (Витгенштейн, 2025, с. 130).

Заключение

Проведённое исследование позволило последовательно решить поставленные задачи и достигнуть цели, заключающейся в выявлении ограниченности классических философских направлений в осмыслении кризиса ценностей, спровоцированного цифровой средой. В результате анализа историко-философского генезиса было показано, что кризис ценностно-смысловых оснований, пройдя этапы антропоцентризма Модерна и отказа от метанарративов в Постмодерне, в эпоху цифровизации обрел новое качество: ключевым агентом размывания смыслов стала сама технологическая среда. Анализ современных проявлений кризиса подтвердил его тотальный характер, однако выявил его специфику: деформация смыслов в экономике (технофеодализм),

политике (инфократия), социальной сфере (игровая идентичность) и искусстве (креативность ИИ) происходит не стихийно, а как следствие алгоритмического управления. Тем самым подтверждён ключевой тезис работы о том, что цифровые технологии выступают не нейтральным фоном, а конституирующей средой утраты смысла. Критическая оценка основных философских парадигм (редукционизм, скептицизм, нью-эйдж, традиционализм) продемонстрировала их принципиальную недостаточность именно в этом новом контексте. Их главный недостаток – каузальная замкнутость и неспособность включить в свой инструментарий технологические агенты (алгоритмы, ИИ) как равноправные элементы философского анализа. Они успешно диагностируют кризис в категориях прошлого, но не могут предложить концептуальный язык для работы с настоящим. Таким образом, главным итогом работы является не просто констатация кризиса, а доказательство необходимости смены философского дискурса. Новый дискурс, контуры которого намечены в работах современных мыслителей (Б.-Ч. Хан, М. Габриэль, Г. Кёниг), должен отказаться от претензии на завершённость и открыто включить в поле философской рефлексии феномены цифровой реальности, перестав сводить неизвестное к познанному.

Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке категориального аппарата и конкретных принципов нового философского дискурса, который бы позволил интегрировать технологии ИИ, Big Data, нейросетей и нейроинтерфейсов в общую картину кризиса. Возможно, следует рассматривать данные явления как самостоятельных агентов, ограниченно способных создавать собственные ценностно-смысловые основания.

Материалы исследования | Research materials

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3.

Источники | References

1. Барт Р. Нулевая степень письма / пер. с франц. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015.
3. Бодрийяр Ж., Сиоран Э. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: сборник / пер. с фр. М.: Родина, 2023.
4. Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм / пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2025.
6. Габриэль М. Нравственный прогресс в тёмные времена. Этика для XX I века / пер. с нем. А. Салина; под науч. ред. Г. Чернавина. М.: АСТ, 2025.
7. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира птоломеевой и коперниковой = Диалог о двух системах мира / пер. и предисл. А. И. Долгова. М. – Л.: Гостехиздат, 1948.
8. Дарвин Ч. Происхождение видов / пер. с англ. М.: АСТ, 2025.
9. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
11. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
12. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
13. Ефремов О. А. Формирование идентичности человека в условиях тотальной анонии // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики): материалы научно-экспертной сессии (семинара) (г. Москва, 17 ноября 2015 г.). М.: Наука и политика, 2016.
14. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.
15. Кёниг Г. Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта / пер. с фр. И. Кушнарёвой. М.: Individuum, 2023.
16. Коперник Н. О вращениях небесных сфер: малый комментарий, послание против Вернера, упсальская запись / пер. И. Н. Веселовского; статья и общ. ред. А. А. Михайлова. М.: Наука, 1964.
17. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998.
18. Лысак И. В. Идентичность сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 38.
19. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург – М.: Кабинетный учёный, 2015.
20. Ницше Ф. Веселая наука / пер. с нем. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
21. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: перевод с испанского. М.: АСТ, 2003.
22. Рассел Б., Эйнштейн А. Этот безумный мир. «Сумасшедший я или все вокруг меня?» М.: Родина, 2020.
23. Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с 3-го доп. нем. изд. М. К. М.: Современные проблемы, 1913.
24. Хан Б.-Ч. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху / пер. с нем. С. О. Мухамеджанова. М.: АСТ, 2025.
25. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А. С. Салина. М.: АСТ, 2024.

26. Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / пер. с англ. О. С. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2018.

27. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1975.

Информация об авторах | Author information

RU

Зубков Николай Андреевич¹, к. филос. н.

Крюков Алексей Валерьевич²

^{1, 2} МИРЭА – Российский технологический университет

EN

Nicolay Andreevich Zubkov¹, PhD

Alexey Valeryevich Kryukov²

^{1, 2} MIREA – Russian Technological University

¹ zubkov@mirea.ru, ² kryv.alex@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.01.2026; опубликовано online (published online): 01.04.2026.

Ключевые слова (keywords): концепт «технофеодализм»; становление инфократии; искусственный интеллект; эпоха постмодерна; techno-feudalism; rise of infocracy; artificial intelligence; postmodern era.